

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2020 №2 (23)

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2020

Издание основано в 2007 г.

Учредитель: ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»

Главный редактор:

П. К. Дашковский, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Редакционная коллегия:

С. А. Васютин, доктор исторических наук (Россия, Кемерово)

Н. Л. Жуковская, доктор исторических наук (Россия, Москва)

А. П. Забияко, доктор философских наук (Россия, Благовещенск)

А. А. Тишкин, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Н. А. Томилов, доктор исторических наук (Россия, Омск)

Т. Д. Скрынникова, доктор исторических наук (Россия, Санкт-Петербург)

О. М. Хомушку, доктор философских наук (Россия, Кызыл)

М. М. Шахнович, доктор философских наук (Россия, Санкт-Петербург)

Л. И. Шерстова, доктор исторических наук (Россия, Томск)

А. Г. Ситдиков, доктор исторических наук (Россия, Казань)

Е. А. Шершинева (отв. секретарь), кандидат исторических наук (Россия, Барнаул)

Редакционный совет журнала:

Л. Н. Ермоленко, доктор исторических наук (Россия, Кемерово)

Ю. А. Лысенко, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Л. С. Марсадолов, доктор культурологии (Россия, Санкт-Петербург)

Г. Г. Пиков, доктор исторических наук, доктор культурологии (Россия, Новосибирск)

А. К. Погасий, доктор философских наук (Россия, Казань)

К. А. Руденко, доктор исторических наук (Россия, Казань)

С. А. Яценко, доктор исторических наук (Россия, Москва)

А. С. Жанбасинова, доктор исторических наук (Казахстан, Усть-Каменогорск)

Н. И. Осмонова, доктор философских наук (Кыргызстан, Бишкек)

Н. Цэдэв, кандидат педагогических наук (Монголия, Улан-Батор)

Ц. Степанов, доктор исторических наук (Болгария, София)

З. С. Самашев, доктор исторических наук (Казахстан, Астаны).

Журнал утвержден научно-техническим советом

Алтайского государственного университета и зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77–69787 от 18.05.2017 г.

Все права защищены. Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.

Адрес редакции: 656049, Барнаул, ул. Димитрова, 66,
Алтайский государственный университет, кафедра религиоведения России,
национальных и государственно-конфессиональных отношений.

Журнал подготовлен при поддержке РНФ «Религия и власть: исторический опыт государственного регулирования деятельности религиозных общин в Западной Сибири и сопредельных районах Казахстана в XIX–XX вв.» (проект № 19-18-00023).

© Оформление. Издательство
Алтайского госуниверситета, 2020

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2020 №2 (23)

NATIONS AND RELIGIONS OF THE EURASIA

Barnaul

Publishing house
of Altai State University
2020

The journal was founded in 2007

The founder of the journal is Altai State University

Executive editor:

P.K. Dashkovskiy (doctor of historical sciences)

The editorial Board:

- S. A. Vasutin*, doctor of historical sciences (Russia, Kemerovo)
N. L. Zhukovskaya, doctor of historical sciences (Russia, Moscow)
A. P. Zabayako, doctor of philosophical sciences (Russia, Blagoveshchensk)
A. A. Tishkin, doctor of historical sciences (Russia, Barnaul)
N. A. Tomilov, doctor of historical sciences (Russia, Omsk)
T. D. Skrynnikova, doctor of historical sciences (Russia, Saint-Petersburg)
O. M. Homushku, doctor of philosophical sciences (Russia, Kyzyl)
M. M. Shakhnovich, doctor of philosophical sciences (Russia, Saint-Petersburg)
L. I. Sherstova, doctor of historical sciences (Russia, Tomsk)
A. G. Sitdikov, doctor of historical sciences (Russia, Kazan)
E. A. Shershneva (resp. secretary), candidate of historical sciences (Russia, Barnaul)

The journal editorial Board:

- L. N. Yarmolenko*, doctor of historical sciences (Russia, Kemerovo)
U. A. Lusenko, doctor of historical sciences (Russia, Barnaul)
L. S. Marsadolov, doctor of Culturology (Russia, St. Petersburg)
G. G. Pikov, doctor of historical sciences, doctor of cultural studies (Russia, Novosibirsk)
A. K. Pogassiy, doctor of philosophical sciences (Russia, Kazan)
K. A. Rudenko, doctor of historical sciences (Russia, Kazan)
S. A. Yatsenko, doctor of historical sciences (Russia, Moscow)
A. S. Zhanbosynov, doctor of historical sciences (Kazakhstan, Ust-Kamenogorsk)
N. I. Osmonova, candidate of philosophical sciences (Kyrgyzstan, Bishkek)
N. Cedev, candidate of pedagogical sciences (Mongolia, Ulaanbaatar)
Ts. Stepanov, doctor of historical sciences (Bolgariy, Sofiy)
Z. S. Samashev, doctor of historical sciences (Kazakhstan, Astana)

The journal is approved by the scientific and technical Council Altai state University and registered by the Federal service for supervision of communications, information technology and mass communications.

Certificate of registration of PI no. FS 77–69787 dated 18.05.2017 All rights reserved. No part of the journal or the entire publication may be reprinted without the written permission of the authors or publisher.

Editorial office address: 656049, Barnaul, ul. Dimitrova, 66, Altai State University, Department of regional studies of Russia, national and state-confessional relations.

The journal was prepared with the support of the RSF project “Religion and power: historical experience of state regulation of religious communities in Western Siberia and neighboring regions of Kazakhstan in the XIX–XX centuries” (project № 19-18-00023).

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

<i>Кубаев С. Ш.</i> Аултепе — первый открытый караван-сарай, рабат (рибат) Средней Азии	7
<i>Лихачева О. С.</i> Средняя конница каменной культуры и эволюция военного дела населения лесостепного Алтая в VI–I вв. до н.э.	21
<i>Тишин В. В., Акымбек Е. Ш., Железняков Б. А.</i> Древнетюркская руническая надпись из Тоспалы (долина реки Чу (Шу), Казахстан)	37

Раздел II

ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

<i>Горте Ю. Д., Рыкова В. В.</i> Эвенки: наукометрический анализ материалов, представленных в БД <i>Web of Science</i> и <i>Научная Сибирика</i>	54
<i>Мухамадеев А. Р.</i> К вопросу о брачно-семейных взаимоотношениях у кыпчаков.....	66

Раздел III

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

<i>Недзельюк Т. Г.</i> Источники для изучения государственно-конфессиональных отношений в Западной Сибири (по материалам исторического архива Омской области)	78
<i>Ожиганов А. Н.</i> Религиозные здания Барнаула в контексте изменений государственно-конфессиональной политики в XX — начале XXI в.	86
<i>Чирков Н. В.</i> Проблематика перевода и интерпретации фундаментальной богословской терминологии на примере миссионерской деятельности Маттео Риччи в Китае.....	104
<i>Дикова Н. В.</i> Роль архиереев в институциональном развитии Омской епархии и основные итоги архиерейского управления	117
ДЛЯ АВТОРОВ	132

CONTENT

Section I

ARCHAEOLOGY AND ETNO-CULTURAL HISTORY

- Kubayev S. Sh.* Archaeology and Etno-Cultural history the first opened caravanserai, rabat (ribat) of Central Asia.....7
- Likhacheva O. S.* Medium cavalry of the Kamenska culture and the evolution of military affairs of the population of the forest-steppe Altai in VI–I BC21
- Tishin V. V., Akymbek E. Sh., Zheleznyakov B. A.* The Early Turkic runic inscription from Tospaly (Chu (Shu) river valley, Kazakhstan).....37

Section II

ETHNOLOGY AND NATIONAL POLICY

- Gorte Yu. D., Rykova V. V.* Evenks: scientometric analysis of materials presented in the databases Web of Science and Scholar Sibirica54
- Mukhamadeev A. R.* To the question of marriage-family relations in kipchakov66

Section III

RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSIONAL RELATIONS

- Nedzelyuk T. G.* Sources for the study of state-confessional relations in Western Siberia (based on the materials of the historical archive of the Omsk region).....78
- Ozhiganov A. N.* Religious buildings in Barnaul in the context of changes in State and Confessional policy in the XX — the early XXI Century86
- Chirkov N. V.* The issue of translation and interpretation of fundamental theological terminology on the example of missionary activities of Matteo Ricci in China.....104
- Dikova N. V.* The role of high priests in the institutional development of the Omsk eparchy and the main results of high priest's administration.....117

- INFORMATION ABOUT AUTHORS**132

УДК: 93/94

DOI: 10.14258/nneur(2020)2–05

А. Р. Мухамадеев

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, Казань (Россия)

К ВОПРОСУ О БРАЧНО-СЕМЕЙНЫХ ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ У КЫПЧАКОВ

Статья имеет целью выявление и анализ брачно-семейных отношений в кыпчакском обществе. Исторические и фольклорные (в частности, эпические сказания об Алпамыше) источники, а также этнографический материал относительно родственных кыпчакам народов позволили выявить у кыпчаков такие явления в области семейно-брачных взаимоотношений, как левират, брачный договор, сватовство малолетних детей, уплата калыма и пр. Выяснить некоторые моменты семейных отношений, связанных с левиратом у кыпчаков, помогли материалы по обычному праву казахов, собранные российскими чиновниками и должностными лицами в XIX в.

Левиратные браки как явление зафиксированы у кыпчаков в Повести временных лет, а также отображены в исторических хрониках. Левират выступал как средство продолжения рода умершего ближайшими родственниками, был обусловлен и экономическими интересами семьи мужа. Несмотря на относительно равноправное положение женщин и пережитки матриархата, левират свидетельствует о патриархальности семьи в кыпчакском обществе. В целом, реконструкции кочевых обществ показывают важную роль в социальной организации общества таких социальных институтов, как семья и община.

Ключевые слова: Повесть временных лет, источники, фольклор, кыпчаки, казахи, татары, башкиры, брак, сватовство, семья, левират.

A. R. Mukhamadeev

Institute of History named after Sh.Mardzhani AN RT, Kazan (Russia)

TO THE QUESTION OF MARRIAGE-FAMILY RELATIONS IN KIPCHAKOV

The article aims to identify and analyze marriage and family relations in the Kypchak society. Historical and folklore (in particular, epic tales of Alpamysh) sources, as well as ethnographic material regarding peoples related to Kypchaks, allowed Kypchaks to reveal such phenomena in the field of family and marriage relationships as levirate, marriage contract,

matchmaking of young children, payment of kalym, etc. To clarify some aspects of family relations associated with the Levyrat among the Kypchaks, materials on the common law of the Kazakhs, collected by Russian officials and officials in the 19th century, helped.

Levirate marriages, as a phenomenon, are recorded among the Kypchaks in the Tale of Bygone Years, and are also displayed in historical chronicles. Levirate acted as a means of continuing the family of the deceased by the next of kin, and was also due to the economic interests of the husband's family. Despite the relatively equal position of women, vestiges of matriarchy, the patriarchal nature of the family in Kypchak society is displayed. In general, reconstructions of nomadic societies show an important role in social organization of society of such social institutions as the family and the community.

Key words: Tale of bygone years, sources, folklore, Kipchaks, Kazakhs, Tatars, Bashkirs, marriage, matchmaking, family, levirate.

Мухамадеев Алмаз Раисович, доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, Казань (Россия). Адрес для контактов: almazrm42@mail.ru.

Mukhamadeev Almaz Raisovich, Doctor of Historical Sciences, Senior Researcher at the Institute of History named after Sh.Mardzhani AN RT, Kazan (Russia). Contact address: almazrm42@mail.ru.

Практически единственным в своем роде и самым конкретным сведением из всех исторических письменных источников о семейных взаимоотношениях кыпчаков, наверное, является отрывок из Повести временных лет (далее — ПВЛ) об их обычаях. Правда, и здесь не обошлось без особенностей перевода на современный русский язык. Например, если один из переводов ПВЛ гласит: «Так вот и при нас теперь половцы держатся закона отцов своих... берут своих мачех и невесток, и выполняют иные обычаи своих отцов...» [Повесть, 2012: 16], то другой — «... берут в жены своих мачех и свекровей, и иные обычаи своих отцов исполняют...» [Повесть, 2014: 65]. В оригинале же это выражение написано так: «поимають мачехи своѧ [и] ѧтрови и ины вбычаѧ отець своихъ [творять]» [ПСРЛ, 1928: 12]. Как видно, в разных изданиях древнерусское слово «ятровъ» переведено по-разному — «невеста» и «свекровь».

Относительно «женитьбы на мачехах», то речь идет о разновидности левирата, довольно широко распространенным среди тюрко-монгольских народов, когда вдова была обязана или имела право вступить вторично в брак только с детьми мужа (соответственно, кроме своих родных сыновей). Приведем один конкретный пример того периода. Согласно сведениям мусульманского миссионера и посла аббасидского халифа в Волжскую Болгарию Ахмеда Ибн Фадлана (начало X в.), проложившего свой путь через земли гузов, если у них умирал женатый человек, имеющий сыновей, то на его жене должен был жениться старший из сыновей при условии, если она не являлась его родной матерью. Подтверждая свои наблюдения, арабский путешественник упоминает о некоем Этрэке сыне Катагана, «начальнике войска» гузов, жена которого раньше была женой его отца [Ковалевский, 1956: 126, 129].

В тексте ПВЛ присутствует и «ятровь», что на древнерусском языке означало свояченицу, жену брата мужа, жены братьев между собой — ятрови. Скорее всего, в данном случае имеется в виду, что одному из братьев предписывалось жениться на жене своего покойного брата, что также часто практиковалось в тюрко-монгольском сообществе. Учитывая, что ятровой называли и «невестами», логика не теряется, так как для всех членов семьи мужа ятровь изначально является невестой, в том числе для брата мужа.

Относительно перевода слова «ятровь» как «свекровь» (мать мужа), то здесь по логике вещей должен предполагаться брак отца или брата жены на овдовевшей свекрови, т. е. матери мужа. В данном случае возникают серьезные вопросы о принципиальной возможности такого явления в тюрко-монгольском сообществе. В целом, теряется логика, возникает путаница. Становится непонятным, какими именно были браки у кыпчаков — патрилинейными или матрилинейными, какими были семьи — патриархальными и матриархальными? Тогда получается, что имущество должно было перейти в семью жены, что также не соответствует данным, полученным исследователями. Поэтому перевод слова «ятровь» как «свекровь» следует считать в лучшем случае неким недоразумением.

По большому счету, относительно происхождения и значения левирата мнения исследователей несколько разнятся. Одни считают, что левират выступал одним из средств продолжения рода умершего ближайшими родственниками. Другие видят в левирате остаток древнего обычая, когда вместе с имуществом наследовались и жёны умершего. Он видоизменился лишь за невозможностью сожительства сына-наследника со своей матерью, по причине чего последняя переходила к брату умершего, вместе с другими правами, которыми по какой-либо причине (например, по малолетству) не могли воспользоваться сыновья (как, например, звание, должность). Экономическое основание левирату придавал покупной брак: купленная жена, составляя собственность рода или семьи умершего, приравнивался к наследственному имуществу. Если допускался отказ от левирата, то вдова была обязана возратить калым, либо могла выйти замуж по своему выбору при условии уплаты пени или только с согласия родни умершего. Несомненно, что левиратные браки у половцев практиковались как в экономических интересах семьи, стремящейся сохранить имущество (например, скот, пастбища) и рабочую силу, так и в интересах подрастающих детей. В общем же, в различных вариантах левирата усилены или ослаблены элементы обязанностей и прав как со стороны вдовы, так и её потенциальных мужей.

Случаи левиратного брака у половцев зафиксированы и в исторических хрониках. Так, С. А. Плетнева считает династию болгарских царей Асений кыпчакско-куманской [Плетнева, 1990: 181]. В свою очередь, румынская исследовательница М. Лазареску-Зобиан считает представителей всех трех династий Второго Болгарского царства кыпчакскими по происхождению. В связи с этим интересно наблюдение Я. В. Пилипчука относительно хроники Георгия Акрополита, где констатируется, что после смерти болгарского царя Калояна Грекобойца (1197–1207 гг.) сын его сестры женился на вдове Калояна [Пилипчук, 2012: 44]. В данном случае речь здесь идет о болгарском царе Бориле (1207–1218 гг.).

Учитывая частое отсутствие у древних и раннесредневековых кочевников собственной письменности, фактическую малочисленность исторических источников по изучаемой тематике, встает оправданная необходимость привлечения как результатов археологических исследований, так и этнографических изысканий относительно родственных народов, в том числе более позднего периода и даже современности. В данном случае становится уместным привлечение этнографических материалов казахов как одного из ближайших потомков кыпчаков. В частности, по материалам казахского обычного права, описанных А. И. Левшиным, у казахов еще в XVIII–XIX вв. после смерти одного брата другой брат, оставшийся главой его семейства, имел право жениться на одной из младших жен покойного [Левшин, 1948: 26].

В многих обществах наряду с левиратом существовал и сорорат, предписывающий женитьбу вдовца на сестре умершей жены. Считается, что сорорат тесно сопряжен с традицией брачного выкупа: смерть женщины, за которую заплачен выкуп, должна быть возмещена её семьёй или родственной группой, особенно если умершая ещё не родила детей. Согласно этому обычаю мужчина мог вступить в брак одновременно или последовательно с несколькими родными или двоюродными сёстрами жены. Несмотря на то, что в отношении именно половцев на случаи сорората конкретно не указывалось, он был характерен для многих тюрко-монгольских кочевников, а значит, не должен был чуждым и кыпчакам.

Исследователи неоднократно обозначали на основе сведений из ПВЛ наличие у половцев левирата. С. А. Плетнева «ятровьями» называла жен отца, хотя в ПВЛ о «мачехах», т. е. женах отца, в тексте говорится отдельно, параллельно и совершенно четко. На основании того, что «женятся на ятрови», С. А. Плетнева делает вывод и о сохранении матрилинейного счета родства у половцев (от матери к дочери), о принятии женами в свой род нового «хозяина» [Плетнева, 1990: 133]. Похоже, С. А. Плетнева трактует слово «ятровь» именно как «свекровь». Такое толкование «ятрови» нами также было обозначено, но, как указывалось выше, в данном случае речь, скорее всего, идет о свояченицах, т. е. женах братьев.

Тем более, что С. А. Плетнева в другом своем труде сама же опровергает половецкую генеалогию по женской линии. На основании Ипатьевской летописи она указывает на патрилинейное родство: «В XII в. у половцев создавалась, очевидно, устойчивая патрилинейная генеалогия ханских родов: Боняк — Севенч, Урусоба — Урусобичи, Кочий — Кочаевичи; наконец, прослеженная на протяжении более 100 лет линия — Ша-рукан+Сугр — Отрок+Сырчан — Кончак — Юрий» [Плетнева, 1974: 260].

Другое дело, что по имеющимся материалам и признакам пережитки матриархата у половцев еще сохранялись. В частности, их погребальные обряды свидетельствуют о довольно высоком социальном положении женщин. Половцы с почестями хоронили как мужчин, так и женщин; затем и тем, и другим ставили поминальные храмы со статуями. Несмотря на неоднократное изменение погребальных обрядов и ритуалов кыпчаков, в результате их смешения с другими этносами по мере продвижения в южнорусские степи, один этнографический признак оставался неизменным. Это возведение святилищ, посвященных культу и мужских, и женских предков. Как отмечают исследова-

тели, этот привнесенный из глубин Кимакского каганата обычай получил дальнейшее развитие и буквально расцвел в южнорусских степях [Плетнева, 1990: 39].

Также в погребениях, как в женских, так и в мужских, встречаются котлы. У исследователей сложилось достаточно обоснованное однозначное мнение: котел был символом родового объединения, атрибутом, подчеркивающим высокое социальное положение умерших, а захоронения с котлами принадлежали представителям родовой и племенной аристократии кочевого общества [Швецов, 1980: 201].

Персидский поэт XII–XIII вв. Низами писал о женском каменном изваянии, что позволяет предположить развитие культа женского божества. Известно, что у кыпчаков существовало женское божество Умай, являвшееся составной частью сложной системы религиозных представлений древних тюрков [Ахинжанов, 1995: 277].

Интересны суждения С. А. Плетневой о существовании у половцев института «амазонок», основанного на одном половецком образе, проникшем в древнерусский былинный эпос в рассматриваемый период. Это образ «поляницы», женщины-богатырши. Былинный Добрыня, встретив «поляницу» в «чистом поле», проигрывает ей поединок, после чего вынужден был на ней жениться. Добрыня привез ее в Киев, где она прежде чем пойти под венец, была крещена. Таким образом, она дважды прошла свадебный обряд, первый — половецкий, в степи, в виде единоборства жениха с невестой, второй — христианский. Надо полагать, что все привозившиеся из степи жены проходили подобные процедуры, сначала языческий свадебный обряд, а по прибытию на родину мужа подтверждали его церковным браком. В целом, женщины в половецком обществе пользовались большой свободой и почитались наравне с мужчинами. Женщины были вынуждены в отсутствии своих мужей (часто погибавших в походах и войнах) регулярно брать на себя все заботы по хозяйству и обороне. По мнению С. А. Плетневой, так и возникал в степях институт «амазонок», женщин-воительниц, сначала запечатленных в степном эпосе, песнях и изобразительном искусстве, а оттуда перешедших в русский фольклор [Плетнева, 1990: 68–70]. Однако не все исследователи согласны с такой постановкой вопроса. Так, Т. М. Потемкина своими исследованиями выражает несогласие с тезисом о половецких «амазонках» [Потемкина, 2012: 24–28].

Относительно «института амазонок» в половецком обществе, очевидно, заявлено действительно слишком громко, но роль и значение женщин в жизнедеятельности семьи, рода и племени исключать никак нельзя. Конечно, в исторических источниках среди кыпчаков не зафиксировано таких выдающихся женщин-предводительниц, женщин-правительниц, как, например, у кавказских гунно-савиров (Боарикс) или утригуров (Аккага). Активность женщин-кыпчаков в разных жизненных ситуациях осталась отображенной лишь в фольклорных источниках, памятниках устного народного творчества. По причине отсутствия в письменных исторических источниках конкретных сведений относительно положения женщин в обществе, а также относительно семейно-брачных отношений кыпчаков мы вынуждены обратиться именно к ним. В частности, исходя из наших целей рассмотрим версии героического эпоса тюркских народов об Алпамыше, точнее, те из них, которые были обозначены известным ученым-филологом, фольклористом В. М. Жирмунским как «кыпчакские», и его изыскания по этому памятнику народного творчества.

Генезис и историю эпического сказания об Алпамыше В. М. Жирмунский видит следующим образом. В своей древнейшей форме богатырской сказки, современным отражением которой является алтайский «Алып-Манаш», сказание существовало в предгорьях Алтая уже в VI–VIII вв. н. э. (эпоха Тюркского каганата). Отсюда оно было занесено огузами в низовья Сыр-Дарьи, где было засвидетельствовано в IX–X вв. У огузов это сказание получило самостоятельное развитие, войдя в цикл песен о богатыре Салор-Казане. Затем при Сельджуках (XI в.) оно было занесено в Закавказье и Малую Азию: поздним, сильно феодализованным отражением этой версии в литературной обработке XV в. является «Рассказ о Бамси-Бейреке» и «Китаби Коркуд». Как писал академик Бартольд, предания об огузах, Коркуде и Казан-беке на запад были перенесены в эпоху Сельджукской империи (XI–XII вв.), к которой относится отюречивание Азербайджана, Закавказья и Малой Азии. В другой версии это сказание в XII–XIII вв. по мере продвижения кыпчакских племен на запад проникло в Казахстан, Башкирию и Поволжье. Эта версия, по утверждению В. М. Жирмунского, несмотря на довольно сильную модернизацию, сохранила и самостоятельные древние черты (особенно башкирская и казанско-татарская версии). В начале XVI в. с кочевыми узбеками Шейбанихана она была перенесена в южный Узбекистан (Байсунское бекство), где на основе богатырской сказки, принесенной кунгратцами с их кочевий на берегах Аральского моря, сложился героический эпос «Алпамыш», получивший в дальнейшем распространение среди узбеков, каракалпаков и казахов [Жирмунский, 1957: 103–104].

В другом труде В. М. Жирмунский к кыпчакской версии «Алпамыша» относит и казахский вариант. Тем не менее с докунгратской версией он связывает две народные сказки — башкирскую — «Алпамыша и Барсын-Хылу» и казанско-татарскую — «Алпамыша». Обе, как утверждает исследователь, наряду с поздними, порой с довольно серьезными искажениями обнаруживают своеобразные архаические черты. Сказки не содержат ни локализации в Байсуне, ни калмыцкой тематики, ни обычного мотива богатырских состязаний между женихами. Вместо последних в башкирской сказке, как и в огузской версии, выступает древний сюжет состязания женихов с невестой — богатырской девой. В целом, в эпических сказаниях и легендах пережитки матриархата, как правило, проявляются в брачных поединках героев с невестами, в образах богатырских дев. Согласно кыпчакской версии сказания Барсын-хылу объявляет, что выйдет замуж за того, кто победит ее в борьбе. В этих ритуальных поединках она убивает немало потенциальных женихов. Наконец, в брачном поединке с Барсын-хылу схватывается Алпамыш, побеждает ее и делает женой [Жирмунский, 1960: 85–86]. Указанные обстоятельства показывают не только воинственность половецких женщин и девушек, но и заметное их равноправие, предоставленную им свободу выбора.

Рассмотрим другие частноправовые нормы, отображенные в эпосе, которые были присущи половецкому обществу. В кыпчакской версии Алпамыша ханы условились обречь своих детей до их рождения, но когда один из ханов умер, то другой отказался выдать дочь за сироту. После этого Барсын велит будущему мужу «подарить что-нибудь» ее родителям, т. е. фактически заплатить калым. Но мать, отец, брат поочередно отказываются и не принимают подарков; брат поясняет: «ты вышла замуж по своим расчетам» [Жирмунский, 1960: 85–86]. Кроме уплаты калыма, здесь описаны и дру-

гие немаловажные условия и традиции бракосочетания: сватовство малолетних детей, т. е. брачный договор между родителями, способ приобретения невесты и пр. В данном случае невеста выходит замуж «по своим расчетам», т. е. она по обоюдному согласию с женихом уходит к нему, когда не учитываются другие традиционные факторы и условия, например, одобрение и благословение родителей, право старшего первым вступить в брак и т. п. В целом мотив сватовства малолетних или еще не родившихся детей является международным, но более всего характерным для фольклора тюркоязычных народов.

В фольклоре мы можем найти и прямые намеки на патриархальность кыпчакской семьи. Так, в татарской версии эпоса Алпамыш, находясь в заточении в зиндане, просит своего друга через решетку передать жене Сандугач, чтобы она ждала его пять лет. Если он (Алпамыш) не возвратится через пять лет, Сандугач становится свободной женщиной и будет вольна распоряжаться своей дальнейшей судьбой [Алпамыш, 1963: 42]. Указанные обстоятельства находят свое подтверждение в других тюркских исторических источниках. Ибн Фадлан, например, сообщает, что через два года после похорон волжского булгарина «родственники умершего созовут званый пир, посредством которого дается знать об окончании траура, и если у него была жена, то она выйдет замуж» [Ковалевский, 1956: 140]. Установление двухгодичного траурного срока для женщин после смерти мужа говорит не только об авторитете в булгарской семье, но и о его власти над другими членами семьи [Мухамадеев, 2013: 20].

В других типологически архаичных вариантах татарской версии Алпамыш, оставляя жену, также назначает определенный срок, в течение которого жена должна ждать мужа [Урманчиев, 1984: 126]. Во всех случаях Алпамыш как законный муж фактически сам устанавливает срок, согласно которому брачные узы могут быть расторгнуты супругой в одностороннем порядке [Мухамадеев, 2013: 21]. В эпосе об Алпамыше также отражается авторитет отца, его бесспорное главенство в семье. Жена героя Сандугач в течение всего срока его отсутствия сохраняет верность своему мужу. Тем не менее она находится во власти отца, который собирается выдать ее вновь замуж [Урманчиев, 1984: 127].

В целом, поздние реконструкции кочевых обществ показывают важную роль в социальной организации общества таких социальных институтов, как семья и община. Надо признать, что в имеющихся исторических источниках процесс создания и принципы функционирования семьи как низшей ячейки социальной организации общества прослеживаются недостаточно. В целом, она характеризуется биологическим воспроизводством человека и рядом социальных функций и признаков, важнейшим из которых является частная собственность на скот. Скот, находившийся в частной собственности кыпчакских семейств, являясь основой жизнедеятельности кочевников, отмечался родоплеменными метками (тамгами).

На сегодняшний день затруднительно сказать, какую конкретно форму носила семья в кыпчакском обществе. Вместе с тем, судя по реконструкциям кочевниковедов, в среде кочевников объективно преобладала так называемая малая, нуклеарная моногамная семья, которая в силу биосоциальных традиций могла быть осложнена рядом пережиточных форм. Но в целом исследователи указывают на то, что формирование ма-

лой семьи было тесно связано с процессом развития собственно кочевого типа хозяйственно-культурной деятельности [Хазанов, 1980: 49–50].

Выяснить некоторые моменты семейных отношений, связанных с левиратом у кыпчаков, помогают материалы по обычному праву казахов, собранные российскими чиновниками и должностными лицами в XIX в. Так, согласно материалам Омского временного комитета, если умирал казах, имеющий одну жену, то она переходила к его страшему брату. Если же было несколько жен, то их по одной должны были взять другие братья, не проявляя при этом никакого принуждения и насилия. Имение поровну разделяли между собой все братья, «хотя бы их было до пяти братьев». Если жена покойного не соглашалась становиться женой старшего брата, а выбирала одного из тех, кто помладше, то тот должен был заплатить старшему брату, «которому она по закону принадлежала, девять больших и малых скотин, в том числе одну хорошую лошадь». В случае, если вдова отказывалась вновь выходить замуж, никто ее к этому не принуждал, также у нее не отбирали скот и имение. Вместе с тем, за ее поведением пристально наблюдали все ближние родственники, чтобы она не могла иметь связей с посторонними (особенно холостыми) мужчинами, и утратить пастбища или же скот. При желании вдовы выйти замуж не за родственников, а за постороннего человека, то и в этом случае запрета не следовало. Но в таком случае имение и скот вдовы переходили к родственникам покойного, которые делили имущество поровну. Новый жених должен был заплатить братьям покойного 26 голов разного скота, в том числе одного верблюда и одну лошадь. При отсутствии со стороны мужа ближних и дальних родственников скот вдовы сохранялся в пределах аула, где она проживала. После смерти вдовы средства из оставшегося имущества уходили на расходы по ее похоронам, поминовению ($\frac{3}{4}$ части), половина $\frac{1}{4}$ части передавалась муллам для исполнения религиозных обрядов, а другая половина делилась между соседями и близкими людьми мужского пола [Материалы..., 1948: 67]. Здесь мы видим предназначение левирата как способа сохранения имущества в семье. Несмотря на отсутствие всякого принуждения со стороны родственников бывшего мужа, вдова при желании выйти замуж за чужого человека должна была оставить имущество членам бывшей семьи.

Согласно материалам Оренбургской пограничной комиссии, после смерти казаха его супруга должна была выйти замуж за одного из братьев умершего, если они имелись. Преимущество отдавалось старшему брату, жена получала из «имения» покойного мужа восьмую часть, прочее «имение» оставалось детям умершего. Братья покойного могли избавить вдову от замужества, и тогда она могла выйти замуж «по своему произволу» [Материалы..., 1948: 88]. По другим сведениям этой же комиссии после смерти мужа жена, если была не стара, выходила замуж за его же родственника, который был обязан принять ответственность за ее дочерей [Материалы..., 1948: 91].

Согласно следующему сообщению Оренбургской комиссии, в случае смерти казаха, сосватавшего невесту, она должна была выйти замуж за его ближайшего родственника, в противном случае калым за невесту возвращали. Также после смерти казаха его вдовы должны были непременно выйти замуж за его ближайшего родственника, не выходить замуж в таком случае они могли лишь при наличии детей и с условием совсем не выходить замуж. Однако если вдова все же решались вновь выйти замуж не за род-

ственника мужа, то соблазвивший ее казах подвергался телесным наказаниям и крупному штрафу [Материалы..., 1948: 105].

После смерти казаха, не оставившего после себя потомства, вдова по настоянию родственников должна была выйти замуж за родного, двоюродного или троюродного брата покойника, и в таком случае из имущества в ее пользу выделялись кибитка, все ее имущество и одежда, а также часть скота, принадлежавшего ей при жизни мужа. Остальная часть уделалась братьям, при их наличии, или родственникам второго мужа. Дележ производился родственниками с обеих сторон в присутствии бия или аксакала [Материалы..., 1948: 144].

Безусловно, левират как распространенный у тюрко-монгольских народов обычай имеет глубокие корни, в обозримом прошлом он имеет источниковые подтверждения у их потомков.

С. Г. Кляшторный, изучивший наблюдения Платона Карпини и Марко Поло о монголах, фиксирует их сведения, что после смерти мужчины его вдовы сохраняются в роду покойного через брак с его сыном (соответственно, исключая инцест), бра́том или с кем-либо из младших родичей. Сватовство к соплеменнице могло повлечь за собой значительные расходы для семьи будущего мужа [Кляшторный, 2003: 480]. Последнее подтверждается и китайскими источниками существенно более раннего периода. Так, Н. Я. Бичурин установил, что женитьба на соплеменнице у тюрков, как и у монголов, сопровождалась для семьи жениха крупными расходами на створные дары и выкуп, у кыргызов упоминаются выкупы от сотни до тысячи голов скота [Бичурин, 1950: 35].

Судя по немногим сведениям источников, продолжает С. Г. Кляшторный, брачные обычаи и семейные отношения в древнетюркских обществах в основном не отличались от тех, которые описаны у Платона Карпини и Марко Поло. Так, он приводит в пример надпись в честь Кюль-тегина, где наряду со старшей женой его отца Эльтериш-кагана — Эль-бильге-катун упоминаются и младшие жены — сводные матери Кюль-тегина, а также многие жены его старшего брата — Бильге-кагана. Далее С. Г. Кляшторный приводит в пример енисейские рунические надписи, в которых постоянно упоминаются жены героя эпитафий, с которыми тот «расстался». В одной из притч «Книги гаданий» упомянута третья жена бега, родившая ему сына-наследника, и др. [Кляшторный, 2003: 480].

В целом, изложенный материал дает возможность предполагать наличие крепких семейных уз у кыпчаков, что отмечали современники, которые, например, описывают обычай, когда кыпчакские женщины день и ночь оплакивают, с причитаниями, своих умерших отцов и матерей. Это действие продолжалось до тех пор, пока не умирал кто-нибудь из сыновей или дочерей, или один из очередных родственников — «...тогда остальные члены семейства начинают оплакивать своих умерших братьев и сестер. Матери учат плачевным песням своих дочерей, и они принимают по ночам стонать и причитывать, а собаки вторят им своим лаем» [Три еврейских путешественника, 1881: 4].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Алпамша // Древняя татарская литература (на татарском языке). Казань, 1963. С. 37–46.

Ахинжанов С. М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. Алматы : Гылым, 1995. 296 с.

Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древнейшие времена. Т. I. М. ; Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1950. 382 с.

Грач А. Д. Древние кочевники в центре Азии. М. : ГРВЛ, 1980. 356 с.

Жирмунский В. М. Сказание об Алпамыше и богатырская сказка. М. : Изд-во восточной литературы, 1960. 333 с.

Жирмунский В. М. Эпическое сказание об Алпамыше и «Одиссея» Гомера // Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. 1957. Т. XVI. Вып. 2. С. 97–113.

Ковалевский А. П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Статьи, переводы и комментарии. Харьков: Изд-во Харьковского гос. ун-та им. М. Горького, 1956. 348 с.

Кляшторный С. Г. История Центральной Азии и памятники рунического письма. СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2003. 560 с.

Левшин А. И. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей (СПб., 1832 г.) // Материалы по казахскому обычному праву. Сб. I. Алма-Ата : Изд-во АН Казахской ССР, 1948. 351 с.

Материалы по казахскому обычному праву, собранные чиновниками д* Андре в 1846 г. // Материалы по казахскому обычному праву. Сб. I. Алма-Ата : Изд-во АН Казахской ССР, 1948. 351 с.

Материалы по казахскому обычному праву, собранные чиновниками Оренбургской пограничной комиссии в 1846 г. // Материалы по казахскому обычному праву. Сб. I. Алма-Ата : Изд-во АН Казахской ССР, 1948. 351 с.

Пилипчук Я. В. Кыпчаки и Византия (конец XI — начало XIII в.) // Исследования по истории Восточной Европы : сб. ст. Вып. 5. Минск : РИВШ, 2012. С. 41–52.

Мухамадеев А. Р. К вопросу о семейно-брачных отношениях волжских болгар доисламского периода // Научный Татарстан. 2013. № 2. С. 18–25.

Плетнёва С. А. Женская половецкая статуя с ребёнком // Советская археология (СА). 1974. № 3. С. 258–262.

Плетнева С. А. Половцы. М. : Наука, 1990. 210 с.

Повесть временных лет. СПб. : Вита Нова, 2012. 512 с.

Потемкина Т. М. Иерархия половецкой знати (по погребениям со статусными предметами) // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 10: Половецкое время. Донецк, 2012. С. 7–36.

Полное собрание русских летописей. Т. 1: Лаврентьевская летопись. Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1926–1928. 379 с.

Три еврейских путешественника XI и XII ст. Элдад Данит, р. Вениамин Тудельский и р. Петахий Регенсбургский. СПб. : Типография Цедербаума и Голденблюма, 1881. 248 с.

Урманчиев Ф. И. Героический эпос татарского народа. Казань : Татар. кн. изд-во, 1984. 312 с.

Хазанов А. М. Социальная история скифов М. : Наука, 1975. 344 с.

Швецов М. Л. Котлы из погребений средневековых кочевников // СА. 1980. № 2. С. 192–202.

REFERENCES

Alpamsha [Alpamsha] // Drevnyaya tatarskaya literature [Ancient Tatar literature]. Kazan, 1963. P. 37–46 (in Tatar).

Akhinzhanov S. M. Kypchaki v istorii srednevekovogo Kazakhstana [Kipchaks in the history of medieval Kazakhstan]. Almaty : Gylym, 1995. 296 s. (in Russian).

Bichurin N. YA. (Iakin). Sobraniye svedeniy o narodakh, obitavshikh v Sredney Azii v drevneyshiye vremena [A collection of information about the peoples who lived in Central Asia in ancient times]. M. ; L. : Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1950. T. I. 382 s. (in Russian).

Grach A. D. Drevniye kochevniki v tsentre Azii [Ancient nomads in the center of Asia]. M. : GRVL, 1980. 356 s. (in Russian).

Zhirmunskiy V. M. Skazaniye ob Alpamyshe i bogatyrskaya skazka [The legend of Alpamysh and the heroic tale]. M. : Izdatel'stvo vostochnoy literatury, 1960. 333 s. (in Russian).

Zhirmunskiy V. M. Epicheskoye skazaniye ob Alpamyshe i "Odisseya" Gomera [The epic legend of Alpamysh and Homer's Odyssey]. Izvestiya Akademii nauk SSSR. Otdeleniye literatury i yazyka [News of the Academy of Sciences of the USSR. Department of Literature and Language]. 1957. T. XVI. Vyp. 2. S. 97–113 (in Russian).

Kovalevskiy A. P. Kniga Akhmeda Ibn-Fadlana o yego puteshestvii na Volgu v 921–922 gg. Stat'i, perevody i kommentarii [The book of Ahmed Ibn Fadlan about his journey to the Volga in 921–922. Articles, translations and comments]. Khar'kov : Izd-tvo Khar'kovskogo gosudarstvennogo universiteta im. M. Gor'kogo, 1956. 348 s. (in Russian).

Klyashtornyy S. G. Istoriya Tsentral'noy Azii i pamyatniki runicheskogo pis'ma [History of Central Asia and monuments of runic writing]. SPb. : Filologicheskii fakul'tet SPbGU, 2003. 560 s. (in Russian).

Levshin A. I. Opisaniye kirgiz-kazach'ikh ili kirgiz-kaysatskikh ord i stepey (SPb, 1832g.) [Description of the Kyrgyz-Cossack or Kyrgyz-Kaisat hordes and steppes (St. Petersburg, 1832)]. Materialy po kazakhskomu obychnomu pravu [Materials on Kazakh customary law]. Sbornik I. Alma-Ata : Izd-vo AN Kazakhskoy SSR, 1948. 351 s. (in Russian).

Materialy po kazakhskomu obychnomu pravu, sobrannyye chinovnikami d*Andre v 1846 g. [Materials on Kazakh customary law, collected by officials of d * Andre in 1846]. Materialy po kazakhskomu obychnomu pravu [Materials on Kazakh customary law]. Sb. I. Alma-Ata : Izd-vo AN Kazakhskoy SSR, 1948. 351 s. (in Russian).

Materialy po kazakhskomu obychnomu pravu, sobrannyye chinovnikami Orenburgskoy pogranichnoy komissii v 1846 g. [Materials on Kazakh customary law collected by officials of the Orenburg Border Commission in 1846]. Materialy po kazakhskomu obychnomu pravu [Materials on Kazakh customary law]. Alma-Ata : Izd-vo AN Kazakhskoy SSR, 1948. Sb. I. 351 s. (in Russian).

Pilipchuk YA. V. Kypchaki i Vizantiya (konets XI — nachalo KHIII v.) [Kipchaks and Byzantium (end of XI — beginning of XIII century)]. Issledovaniya po istorii Vostochnoy Yevropy: nauch. sb. [Studies on the history of Eastern Europe: scientific. Sat.] Minsk : RIVSH, 2012. Vyp. 5. S. 41–52 (in Russian).

Mukhamadeyev A. R. K voprosu o semeyno-brachnykh otnosheniyakh volzhskikh bolgar doislamskogo perioda [To the question of family-marriage relations of the Volga Bulgarians of the pre-Islamic period]. Nauchnyy Tatarstan [Scientific Tatarstan]. 2013. № 2. S. 18–25 (in Russian).

Pletnova S. A. Zhenskaya polovetskaya statuya s rebonkom [Female Polovtsian statue with a child]. SA [SA]. 1974. № 3. S. 258–262 (in Russian).

Pletneva C. A. Polovtsy [Polovtsy]. M. : Nauka, 1990. 210 s. (in Russian).

Povest' vremennykh let [A tale of bygone years]. SPb. : Vita Nova, 2012. 512 s. (in Russian).

Povest' vremennykh let [A tale of bygone years]. M. : Institut russkoy tsivilizatsii, Rodnaya strana, 2014. 544 s. (in Russian).

Potemkina T. M. Iyerarkhiya polovetskoy znati (po pogrebeniyam so statusnymi predmetami) [The hierarchy of the Polovtsian nobility (for burials with status items)]. Stepi Yevropy v epokhu srednevekov'ya [Steppes of Europe in the Middle Ages]. Donetsk, 2012. T. 10 (Polovetskoye vremya). S. 7–36 (in Russian).

Polnoye sobraniye russkikh letopisey. T. 1. Lavrent'yevskaya letopis' [Complete collection of Russian chronicles]. Leningrad : Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1926–1928. 379 s. (in Russian).

Tri yevreyskikh puteshestvennika XI i XII st. Eldad Danit, r. Veniamin Tudel'skiy i r. Petakhiy Regensburgskiy. SPb. [Three Jewish travelers XI and XII Art. Eldad Danit, R. Veniamin Tudelsky and R.]: Tip-fiya Tsederbauma i Goldenblyuma, 1881. 248 s. (in Russian).

Urmancheyev F. I. Geroicheskiy epos tatarskogo naroda [Heroic epic of the Tatar people]. Kazan' : Tatar. kn. izd-vo, 1984. 312 s. (in Russian).

Khazanov A. M. Sotsial'naya istoriya skifov [The social history of the Scythians]. M. : Nauka, 1975. 344 s. (in Russian).

Shvetsov M. L. Kotly iz pogrebeniy srednevekovykh kochevnikov [Boilers from the burials of medieval nomads]. SA [SA]. M., 1980. № 2. S. 192–202 (in Russian).

Цитирование статьи:

Мухамадеев А. Р. К вопросу о брачно-семейных взаимоотношениях у кыпчаков // Народы и религии Евразии. 2020. № 2 (23). С. 66–77.

Citation:

Mukhamadeev A. R. To the question of marriage-family relations in Kipchakov. Nations and religions of Eurasia. 2020. № 2 (23). P. 66–77.
